

Глубокий ум при глубоком чувстве

Рисунки Дмитрия Лиона в ГМИИ им. Пушкина

Елизавета Плавинская

В

ыставка — первая посмертная, подводящая итог, мумифицирующая в вечности. Но и открывающая заново, так как она велика и репрезентативна. При содействии фонда Сороса выпущен каталог с массой иллюстраций очень плохого качества, прекрасным текстом Галины Ельщеской и интереснейшими записями художника, сделанными не для гипотетической вечности, но для многочисленных учеников — как прямое руководство к действию.

найденная модель мирозерцания и общения с листом уже не менялась. Как раз и навсегда выучивает житель Земли, где право, где лево, где верх, где низ. Тем не менее его творчество никогда не впадало в тавтологию, потому что этот мир населен сюжетами (живущими в долгих сериях) и чувствами (не повторяющимися никогда). Собеседниками Лиона в эстетическом мире были, конечно, не советские графики и даже не великие русские авангардисты (Кандинский или Филонов), с работами которых мы можем обнаружить переключки. Кранах, Рембрандт и Джорджоне — художественные персонажи, которых вы встретите на выставке, и как для Лиона, так и для зрителя они становятся милыми друзьями и серьезными коллегами. Убедительность и

возвращение к пребыванию события в вечности и в самом себе.

Однако ж обращение к вечным темам и отрицание прямолинейного движения истории ни в коем случае не отменяли для Лиона ценности личностной жизни. В трепете чувств отдельного человека заключена и естественность переживания вечного, без фальши, без отстраненности, привносимой веками, и возможность вхождения в эту систему для зрителя. В работах серии «Шествие» мы, конечно, вычислим фигуру художника — стал бы он этим заниматься столько десятилетий, будь ему бесконечные пути человечества безразличны. Но есть и более прямые указания на причастность к шествию. Не во всех, но во многих (судя по пред-

В экспозиции представлены работы конца пятидесятых — восьмидесятых годов. По ним видно: стиль Лиона — ценнейшее событие русской графики второй половины XX века. Стиль удивителен своей полнотой и зрелостью с самого начала и живостью и точностью до самого конца. Делом десятилетий творчества было не формирование, а развитие техники, мысли, чувства. Как человек проходит сквозь жизнь, изменяясь до неузнаваемости, но сохраняя генетический код и имя, так и рисунки Лиона. Он работал сериями длиной в несколько десятилетий, выражался штрихами разных пород и никогда не повторялся — при абсолютной узнаваемости и непохожести на других. Такого белого не было ни у одного из графиков советского периода, такое черное надо искать у Рембрандта, не меньше. Выразительность оставленного Лионом следа — результат не только таланта и образованности (у кого их нет), но ясного и точного понимания, что есть мир и что — художник в нем. Он разделял мир на материальное и нематериальное, сферу духа и конкретику чувств; творчество — материализация работы духа. Он говорил, что графика слишком скульптурна (порок, видимо, ренессансного происхождения). В переводе на язык графики это значит, что художники увлекаются построением архитектуры черного, воспринимая белое бумаги как пустоту. Белое Лиона пустотой не было. Белое листа — космос, свет, отделенный от тьмы, тело мироздания, живое тело. Черное (тушь, гуашь) — материализация, насилие, след, отпечаток мыслимого, форма, оставленная чувством. Работы Лиона подобны по смыслу отпечаткам перворастений на камнях или первым письменным версиям легенд о создании мира. Дмитрий Лион был очень плодовитым художником, и однажды

сила трактовки библейских сюжетов, основной событийной канвы творчества, доказывают действительность этого диалога. Сопереживание библейским и евангельским событиям как космическим катастрофам, обнаруживаемое в офортах Рембрандта, находим и у Лиона, но, может быть, яснее, потому как по времени они нам ближе. В его трактовке Новый Завет — все еще продолжение Ветхого, евангельские драмы сопровождаются чувственностью, оставленной христианами в удел древним иудеям. Путеводная ниточка чувственности начинается где-то в космическом или доисторическом эротизме и протягивается к чуткости и развоплощенной тактильности, свойственной только оригинальной (в противоположность печатной) графике. Характернейшая из серий, представленных на выставке, — «Шествие». Она вбирает в себя и объединяет чуть ли не все прочие мотивы. Шествие как поход к горе Мориа, как путь к Голгофе, как движение по пространствам истории.

Черное у Лиона многосоставно и виртуозно. Оно объединяет почти несовместимое и заставляет работать и разницу применяемых инструментов и получаемых линий (тонкое и широкое перо, кисть, тростниковая палочка), и родовые отличия линий, принадлежащих письмам, рисункам, вихрям. Каллиграфические письма, включаемые в рисунок сначала как рамы, а позже входящие в сам строй повествования, — идеальны, но зачастую нечитаемы. Давно замечено отсутствие у Лиона каких-либо узнаваемых перспективных систем (прямой или обратной), но так же очевидна пространственность белого. Эти и многие другие приемы и загадки суть одно: свидетельство отмены прогресса и всякого поступательного движения,

ставленным на выставке) работах рисунок идущих складывается в абрис физиономии. Чьей? Рембрандта, Кранаха, Бога... или самого художника? Это уже область, практически не изъяснимая словами, но читаемая глазом и чувством.

Лион передавал ученикам бережность отношения к белому. Он говорил, что и тремя линиями можно сделать рисунок. Может, поэтому многие его работы могут показаться абстрактными. Это не вполне так. Путь от более «фигуративных» ранних к развоплощенным поздним описан самим художником, его убежденностью, что черное — это материализация зримого в зрительное, в принципе противостественная для белого. Чем меньше черного, тем ближе след (тень) к первообразу, существующему в не видимой глазом области духа. В стремлении достичь наибольшего сближения этих двух миров от персонажей Лиона остаются одни намеки: неожиданно возникающие в вихре линий глаза или несколько округлых штрихов, когда-то бывших абрисом женского тела. Может быть и так, что сложнейшая задача сосуществования на одном листе тонких серебристых линий и брутальных черных имеет свой сюжет, ведь это совсем не всегда идиллия, а гораздо чаще борьба противоположностей. Путь разгадывания этих загадок может завести далеко, гораздо дальше, чем предполагал сам Лион. Суть одна. Судьба, надолго оторвавшая русских художников от мирового процесса, не дала Дмитрию Лиону стать при жизни всемирно известным художником. Но что сейчас мешает нам, зрителям, найти достойное место этой превосходной графике в мировой истории искусств? Ничто, кроме лени или отсутствия времени.